

УДК 81.27

ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫЙ АСПЕКТ СЕМАСИОЛОГИИ

СТЕРНИН Иосиф Абрамович,

доктор филологических наук, профессор, зав. кафедрой общего языкознания и стилистики

Воронежский государственный университет

МАКЛАКОВА Елена Альбертовна,

кандидат филологических наук, доцент, зав. кафедрой иностранных языков

Воронежская государственная лесотехническая академия

АННОТАЦИЯ. В статье рассматривается лингвокультурологический подход к языковым единицам с точки зрения семной семасиологии. Уточняется понятие лингвокультурологии. Разграничивается объяснительная и описательная лингвистика. Показано, что любая лингвокультурная специфика семантики языка есть вид проявления национальной специфика семантики, но не любой факт проявления национальной специфика семантики является культурно обусловленным, имеет лингвокультурный характер.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: культура, культурология, лингвокультурология, семантика, национальная специфика языка.

STERNIN I. A.,

Dr. Philol. Sci., Professor, Head of the Department of General Linguistics

Voronezh State University

MAKLAKOVA E. A.,

Cand. Philol. Sci., Docent, Department of Foreign Languages

Voronezh State Academy of Forestry Engineering

LINGUO-CULTUROLOGICAL ASPECT OF SEMASEOLOGY

ABSTRACT. The article reviews the linguo-culturological approach to language units from the point of view of seme semasiology. It also specifies the notion of linguo-culturology. Explanatory and descriptive linguistics are differentiated. It is shown that any linguo-cultural specificity of language semantics is a form of national specificity of semantics, but not any fact of national specificity of semantics is specified by the culture and has a linguo-cultural character.

KEY WORDS: culture, culturology, linguo-culturology, semasiology, national specific character of language.

Язык называет то, что существует в культуре, а также сам развивается в рамках определенной национальной культуры. Это определяет возможность рассмотрения языка в тесной связи с культурой народа и привело в последние десятилетия к формированию отдельного лингвистического направления – лингвокультурологии. Особенно важны лингвокультурные исследования для межкультурной коммуникации, поскольку они позволяют вскрыть причины многих недоразумений и повысить ее эффективность.

Рассуждая о взаимоотношении индивидуумов и культуры, к которым они принадлежат, Ф. Клакхон отмечает, что ни один представитель культуры не знает всех ее деталей. Есть определенная часть культуры, которая должна быть известна всем ее носителям, часть, отбираемая на альтернативной основе в

зависимости от потребностей коммуниканта, и, наконец, часть, которая используется ограниченно и очерчивается социальной ролью индивидуума в данном обществе [1]. Соответственно, важно уметь отличить то, что действительно заслуживает внимания как необходимое для адекватной коммуникации, и то, без чего можно обойтись при общении. Как справедливо утверждает К. Фрейк, культура является не столько «когнитивной картой», сколько набором принципов для создания такой карты, задача которой – обеспечить безопасное плавание в море чужой культуры [2].

Следует признать, что понятие культура по праву является фундаментальным и крайне важным, но в то же время одним из самых запутанных и противоречиво определяемых в современном научном знании. В современной

научной литературе предлагается множество подходов в понимании и определении культуры в зависимости от ее роли, функций, основных характеристик, например: диалогический (С.С. Аверинцев, М.М.Бахтин, В. Библер), духовный (Л. Кертман), историко просветительский (Вольтер, Гельвеций, Гете, Гегель, Гердер, Лессинг, Руссо, Шиллер), историко этнографический (Л. Леви-Брюль, Л.Г. Морган, Э.Б. Тейлор), герменевтический, информационный и функционистский (Ю.М. Лотман), личностный (Л.Н. Коган, В.М. Межуев, Э.В. Соколов), нормативный (Б.А.Успенский), описательный (З. Фрейд), семиотический (Р. Барт), символический (Д.С. Мережковский), социальный деятельностный (К. Маркс, Ф. Энгельс, М.С. Каган, Э. Маркарян, Ю.А. Сорокин, Е.Ф. Тарасов), типологический (С.С. Аверинцев, М. Мамардашвили), ценностный (М. Вебер, З. Какабадзе, Л.Н. Столович, Ю.П. Францев, М. Хайдеггер, Н. Чавчавадзе), экзистенциальный (Н.А.Бердяев) и др.

В реальности в научной практике наблюдается тенденция «приспособить» понятие культура к категориям и понятиям той науки, с точки зрения которой рассматриваются специфические особенности или различия тех или иных культур. В современной лингвистике это особенно явно ощущается в условиях возникновения такого научного направления, как лингвокультурология.

Для практического лингвокультурологического анализа представляется важным разграничить объяснительную лингвистику и описательную лингвистику. Так, лексикология, семасиология, грамматика, фонология, психолингвистика, диалектология, сопоставительная и контрастная лингвистика преимущественно представляют собой описательную лингвистику, цель которой – зафиксировать и систематизировать то, что есть в языке. Описательная лингвистика исследует и описывает систему языка и языковые нормы. Объяснительная лингвистика ищет объяснение тех или иных языковых явлений вне языка – в культуре, менталитете, концептосфере народа, в его быте и т.д. Социоллингвистика, этнолингвистика, этимология, когнитивная лингвистика, лингвоконцептология преимущественно представляют собой объяснительную лингвистику. К объяснительному направлению, по нашему убеждению, относится и лингвокультурология.

Методологически принципиальным представляется то, что объяснительная лингвистика в науке всегда вторична, она возможна только на базе достижений описательной лингвистики и представляет собой ее дальнейшее углубление и развитие в избранном объяснительной наукой направлении. Данное положение чрезвычайно существенно для выявления и декодирования языковых национально-специфических различий, которые остаются не осознаваемыми при внутрикультурном общении, однако становятся очевидными в процессе контакта представителей разных культур.

Широкое распространение лингвокультурологических исследований, ставших даже модными на современном этапе развития лингвистики, постепенно привело к крайнему расширению понятия лингвокультурологии, к включению в сферу лингвокультурологии многочисленных фактов, которые, с нашей точки зрения, мало связаны с культурой или вообще не связаны с ней, но, тем не менее, интерпретируются как лингвокультурные. Это, в свою очередь, приводит к тому, что во многих исследованиях, декларируемых как лингвокультурологические, возникает теоретическая эклектика, наблюдается некорректное обращение с терминами культура, лингвокультура, лингвокультурная специфика, а лингвокультурными объявляются языковые факты, не имеющие отношения к культуре как таковой.

В связи с этим некоторые базовые понятия лингвокультурологии на современном этапе требуют уточнения и дифференциации, что оказывается особенно актуальным для развития семной семасиологии и контрастной лингвистики.

Бесспорным представляется то, что при выполнении исследования, позиционируемого как лингвокультурологическое, необходимо конкретизировать и эксплицитно обозначить в ходе исследования используемое данным научным направлением или отдельным исследователем понятие культура. При этом принципиально, чтобы используемое понятие культура было достаточно конкретным, а не всеобъемлющим, как, например, такое: культура – «это все свойственные данному народу способы жизни и деятельности в мире, а также отношения между людьми (обычай, ритуалы, особенности общения и т.д.) и способы понимания и преобразования мира» [3]. Здесь воедино под понятием культура объединяются материальные способы жизнедеятельности, социальные ритуалы и особенности менталитета, а также такие неопределяемые понятия, как способы понимания и преобразования мира, под которыми вообще можно понимать что угодно.

Аналогично непродуктивно в лингвистике понимание культуры как «мира человека в противопоставлении миру природы» [4], или как «общего отличия человеческой жизнедеятельности от биологических форм жизни» [5]. Исходя из такого понимания культуры, мы должны признать, что вся языковая семантика отражает в этом смысле культуру народа, поскольку семантика языковых единиц носит отражательный характер, в таком случае предмет лингвокультурологии полностью совпадает с предметом семасиологии.

С другой стороны, понимание культуры в той или иной лингвокультурологической работе может быть обозначено весьма неопределенно, метафорически или в самом общем виде, через понятия типа «связано», «отражает», «воплощает» и под. Ср. «зона вариативности лексического значения теснейшим образом связана с общекультурными, социальными и религиозными представлениями языкового

социума» [6]; исследование явлений языка в пространстве духовной культуры определяется выявлением и констатацией фактов «отражения в языковых текстах и в самих языковых средствах определенного культурного содержания, связанного с мировосприятием данного этноса / народа, ментальной категоризацией мира природы и общества, верованиями и / или верой» [7].

С этими высказываниями – «значение теснейшим образом связано с культурой», «в значениях отражается культурное содержание» – невозможно не согласиться, это действительно так, но подобные утверждения на современном этапе уже не дают лингвистике никакого нового знания. «Теснейшая взаимосвязь» требует конкретного исследования и установления конкретных фактов связи языка и культуры, приведения конкретных, проверяемых доказательств связи языка и культуры.

Представляется вполне очевидным, что если принять в лингвистических исследованиях предельно расширительное понимание культуры (а так в большинстве лингвокультурологических работ и делается), то достаточно будет констатировать, что семантика языка целиком имеет культурную обусловленность, то есть отражает человеческую культуру, и предмета для исследования лингвиста в таком случае просто нет. Такой подход представляется нам в настоящее время уже пройденным этапом как лингвистики, так и лингвокультурологии. Понятие культура в лингвокультурологических исследованиях целесообразно конкретизировать и сузить, что позволит конкретно выявлять культурную обусловленность семантики языковых единиц при проведении вышеназванных исследований.

Одним из распространенных и, как представляется, практически применимых в лингвистическом исследовании подходов к определению культуры в настоящее время является рассмотрение её как «трехслойной» сущности: 1) верхний слой, наиболее явный и доступный чувственному восприятию, включает артефакты, другие материальные явления культуры, а также язык; 2) средний слой – нормы и ценности; 3) внутренний слой – базовые установки, послышки, убеждения, менталитет и т.д. [8, 9]. Близок к такому пониманию к трактовке культуры и подход В.В. Журавлева, согласно которому «социокультурные явления существуют и развиваются в трех важнейших формах: духовной (различные элементы и состояния сознания), овеществленной (определенные духовные явления) и институциональной (культурный аспект различных институтов общества)» [10].

Таким образом, есть материальные проявления культуры (предметы, ритуалы) и ментальные проявления (идеи, понятия, ценности, правила, менталитет, литература и искусство).

Думается, что при исследовании проблем, связанных с национальной спецификой того или иного языка, предпочтительнее принять узкое толкование культуры, понимая ее как культуру ментальную – это ценности, принципы, нормы

и правила, а также произведения литературы и искусства (художественная культура).

С нашей точки зрения, лингвокультурология должна иметь своим предметом именно ментальную культурную специфику (культурные концепты, явления художественной культуры), в то время как опредмеченная культурная специфика (материальные предметы, социальные институты, учреждения, должности и под.) будет относиться к сфере лингвострановедения, столь хорошо разработанного в отечественной лингвистической и методической традиции в трудах Е.М. Верещагина, В.Г. Костомарова, Ю.Т. Листровой-Правды и др.

Подчеркнем, что очень часто при сопоставительных и контрастивных исследованиях наблюдается тенденция подводить под лингвокультурологическую всю выявляемую национальную специфику семантики.

Полагаем, что далеко не вся национальная специфика семантики языковых единиц, представляющая особый тип осмысления действительности в национальном сознании, может быть обусловлена отражением в семантике культуры того или иного народа. Придание отдельному слову статуса культурного или традиционного для данной лингвокультурной традиции нуждается в серьезном обосновании, в выявлении так называемых культурных доминант «через сопоставление ценностных суждений, которые вытекают из стереотипов поведения и зафиксированы в значениях слов, устойчивых выражениях, прецедентных текстах» [11].

Справедливо утверждение А. Вежбицкой, что «не все межъязыковые различия исследуются лингвокультурологией, ибо они не являются культурно-значимыми, т.е. не все различия в языках имеют культурно обусловленные причины и следствия» [12].

Так, в семантике многих лексических и фразеологических единиц выявляются стилистические и шире – функционально-структурные различия, которые никак не обусловлены факторами культуры, специфичными для соответствующего народа. В то же время, согласно результатам нашего исследования, в семантике сопоставимых единиц разных языков фиксируются многочисленные тождественные семантические компоненты значения, которые отражают универсальные, общечеловеческие явления культуры, поскольку принадлежат не отдельно взятому народу, а являются достоянием человечества в целом.

Например, следующие фразеологические единицы русского языка и их переводные соответствия в английском языке дифференцируются по составу конституирующих их компонентов и по фразеологическому образу, то есть имеют национальную специфику семантики, однако выражают тождественные для двух культур ценностные культурные ориентиры, демонстрируя тем самым отсутствие культурологически значимых национальных различий: вырос, а ума не скопил ≈ better fed than taught (откормлен, но не обучен) – о

невоспитанном или необразованном человеке – неодобрительное; так себе, ни то ни се ≈ betwixt and between (между и между) – о человеке среднем, ничем не примечательном – пренебрежительное; ум хорошо, а два – лучше ≈ four eyes see more than two (четыре глаза видят лучше, чем два) ~ [этим. лат. Plus vident oculi quam oculus – несколько глаз видят лучше, чем один] – о людях (ум, глаза), которые добьются успеха, объединив свои усилия; притча во языцех ≈ the talk of the town (то, о чём или тот, о ком говорит весь город) – предмет всеобщих разговоров, постоянных пересудов и т.п.

Само утверждение о лингвокультурном характере конкретного языкового явления в любом случае должно быть доказано конкретными фактами конкретной культуры. При наличии таких доказательств данное явление становится лингвистическим фактом и дополняет описание национальной специфики языка, в противном случае – лингвокультурологические версии остаются гипотезами, не дающими лингвистике достоверного знания о языке.

Например, для жителей многих стран снег – это не просто вид атмосферных осадков, но и эталон белизны, с которым принято сравнивать другие белые предметы: белоснежные волосы, кожу, плечи; с белым цветом жемчуга ассоциируется белизна зубов; мел – тоже белый, но в сознании русскоязычных людей с ним обычно воспринимается по ассоциации цвет побледневшего лица, описывая которое также говорят: бледный как полотно или смерть. Англоязычные люди бледное лицо образно связывают со следующими предметами: white as a sheet (полотно), as ashes (пепел), as death (смерть), as ghost (приведение), as the driven snow (выпавший снег); при этом белоснежность метафорично описывают как white as milk (молоко), as snow (снег), as wool (руно).

Слова щепка, спичка, спица применяются в русском языке для образного описания худобы человека. Напротив, в семантике слов иголка, соломинка, волосок, шило, которые также обозначают вещи тонкие, не выявляется компонент, служащий для обозначения такого физического состояния человека, и образная потенция данных слов раскрывается во фразеологических сочетаниях с другими значениями: на волоске – в крайне опасном или ненадёжном состоянии; не иголка – трудно потерять; шило в попе – грубо, о вертлявом, непоседливом человеке, обычно ребёнке; утопающий хватается за соломинку.

Подобная особенность значения слов свидетельствует о наличии у них образности, закреплённой в их семантике речевой практикой, однако не доказывает наличие у них национально-культурной специфики, поскольку никаких конкретных ритуалов либо ментальных фактов культуры, доказывающих это, привести невозможно.

В английском и русском языковом сознании ассоциации, связанные с описанием худого человека, ненадёжного состояния, крайнего средства спасения, пустой траты времени и т.п.

в некоторых случаях совпадают: dry as a chip (высохший как щепка), by a hair / within a hair of (на волосок), a drowning man will catch at a straw (утопающий хватается за соломинку), look for a needle in a bottle of hay (искать иголку в стого сена).

В следующих фразеологических сочетаниях упомянутые английские лексические единицы ассоциируются с другими образами, отличными от тех, что существуют в русском национальном сознании: not worth a straw (не стоит и соломинки ~ гроша ломанного не стоит), it is the last straw that breaks the camel's back (последняя соломинка ломает спину верблюда ~ последняя капля, переполняющая чашу терпения), sharp as a needle (острый как игла = наблюдательный, пронзительный, находчивый), as thin as a lath (худой как рейка), as thin as a rail (...как рейка, шпала), as thin as a rake (...как грабли), as thin as a thread-paper (...как полоска бумаги), as thin as a whipping post (...как столб позора).

Представляется, что подобные примеры, число которых может быть умножено многократно, никак не отражают различия культур, а отражают различие в коммуникативных потребностях народов, которые вызывают формирование тех или иных лексических дифференциаций или интеграций.

Почему возникли те или иные лексические дифференциации или интеграции, почему так или иначе символизируется то или иное явление – вопросы, которые обычно не могут быть решены однозначно, большинство объяснений находятся в сфере случайности, уходящей корнями во время первичной номинации предмета словом; особенно часто это может быть отнесено к детальной номинации той или иной сферы действительности (номинативной плотности лексических группировок), дифференциации номинативных средств языка, внутренней форме единиц, метафорам, символике. Ср. словарное толкование фразеологического образа ФЕ мышинный жеребчик, которое более похоже на предположение или версию: «В образе фразеол. дошли до нас представления о неравных браках, являющихся одной из исторических традиций на Руси и отражающие определенные устои классового общества» [13]. Ср. также словарное толкование фразеологического образа ФЕ нет царя в голове: «Образ фразеол. связан с древнейшими представлениями о бытии – небытии. С помощью компонента нет выражается смысл абсолютного отсутствия, несуществования кого-л., чего-л. Понятие, выражаемое словом нет, в русской культуре очень значимо, отсутствие чего-л. ощущается, является зримым и находит свое воплощение в вещной метафоре; ср. фразеол. дырка от бублика, ноль без палочки, пустое место... [там же].

Думается, что на современном этапе развития науки о языке уже совершенно недостаточно обобщенно констатировать, что данное явление «очень значимо в культуре народа», «отражает особенности культуры народа» и т.п. – необходимо эксплицитно объяснить, какой культурный феномен, явление, факт национальной культуры отражает та или иная единица, ее значение

или семантический компонент. Иными словами, для констатации факта национально-культурной специфики семантики языковых единиц необходимо эксплицитное выделение лингвокультурно значимых сем или семем, обусловленных конкретными фактами конкретной национальной культуры, феноменами, явлениями и процессами, которые имеют место или были когда-то зафиксированы в культуре того или иного народа.

В связи с этим считаем необходимым провести следующие разграничения:

Национальная специфика языка – особенности языка, отличающие его от других языков. Часть национальной специфики языка – националь-

ная специфика семантики – представляет собой отражение неповторимости национальной действительности в семантике, что изучается контрастной семасиологией с целью выявления национально-специфических макро- и микрокомпонентов значения, семем или лексем, и проявляется в виде: безэквивалентных лексем, семем, сем; денотативной семной специфики; коннотативной семной специфики; функциональной семной специфики.

Часть национальной специфики семантики – национально-культурная специфика семантики языка, наличие культурно обусловленных сем и семем. Соотношение целого и частного можно проиллюстрировать следующей схемой:

Национальная специфика языка	
Национальная специфика семантики языка	
Национально-культурная специфика семантики языка	
ментальная культурная специфика (ментальные образы, концепты, культурно обусловленные семемы, семы) – <i>исследуется лингвокультурологией</i>	опредмеченная культурная специфика (предметы, должности, социальные институты, вербализованные словами-реалиями) – <i>исследуется лингвострановедением</i>

Таким образом, любая лингвокультурная специфика семантики языка есть вид проявления национальной специфики семантики, но не любой факт проявления национальной специфики семантики является культурно обусловленным, имеет лингвокультурный характер.

Проведенные разграничения, как нам

представляется, могут способствовать уточнению некоторых весьма важных положений лингвокультурологии, контрастивной лингвистики и семной семасиологии на современном этапе их развития.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ:

1. Kluckhohn C. Mirror for Man / C. Kluckhohn. - New York: McGraw-Hill, 1944. - P.30-31.
2. Frake C. Plying Frames Can Be Dangerous: Some Reflections on Methodology in Cognitive Anthropology / C. Frake. - NY: Macmillan, 1981. - P. 138-150.
3. Маслова В.А. Лингвокультурология / В.А. Маслова. - М.: Издательский центр «Академия», 2010. - С.16.
4. Новый энциклопедический словарь. - М.: БРЭ, Рипол Классик, 2007. - С. 594.
5. Философский энциклопедический словарь. - М.: Советская энциклопедия, 1983. - С. 292.
6. Беляевская Е.Г. Семантика слова / Е.Г. Беляевская. - М., 1987. - С. 59.
7. Виноградов В.А. Языковая семантика в пространстве культуры / В.А. Виноградов // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2010. - №4(2). - С. 462.
8. Касьянова К. О русском национальном характере / К. Касьянова. - М.: Институт национальной модели экономики, 1994. - С. 89.
9. Dahl S. Communications and Culture Transformation. Cultural Diversity, Globalization and Cultural Convergence. - Barcelona. June 1998. - (<http://www.stephweb.com/capstone/index.htm>).
10. Журавлев В.В. Человек. Культура. Политика / В.В. Журавлев. - М.: «Социум», 1998. - С. 58.
11. Карасик В.И. Культурные доминанты в языке / В.И. Карасик. - Волгоград-Архангельск: Перемена, 1996. - С.5.
12. Вержбицкая А. Понимание культур через посредство ключевых слов / А. Вержбицкая. - М., 2001. - С. 38.
13. Большой фразеологический словарь русского языка / Отв. ред. В.Н.Телия. - М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2006. - С. 480.